

ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ ЛУЧАЕВ

преподаватель кафедры английского языка как второго
переводческого факультета
Московский государственный лингвистический универ-
ситет
(Москва, Российская Федерация)
luchdmmslu@gmail.com

СЕМАНТИКА ПЕРФЕКТА КОНСТАТАЦИИ СОСТОЯНИЯ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

А н н о т а ц и я . Цель исследования – определить объем значений перфекта констатации состояния в болгарском языке, а также выявить эквивалентность на межъязыковом и переводческом уровнях соответствующим категориям в русском языке. Гипотеза работы заключается в предположении, что перфект констатации состояния может выступать промежуточным звеном между индикативным перфектом и несвидетельскими формами болгарского языка и не имеет полных эквивалентов в русском языке. В рамках сравнительно-сопоставительного анализа рассматриваются отрывки из художественных произведений, содержащие вышеупомянутую форму, и их переводы на русский язык. По итогам работы делается вывод о безэквивалентности перфекта констатации состояния по отношению к русскому языку, а также представляется набор грамматических форм, обладающих схожей семантикой. Результаты исследования могут быть использованы как для дальнейших научных разработок в данной области, так и в качестве готовых переводческих стратегий при работе с текстами на болгарском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сравнительно-сопоставительный анализ, эквивалентность, перевод, болгарский язык, русский язык, перфект констатации состояния, эвиденциальность, выпадение глагола-связки в 3Sg/Pl, результативность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лучаев Д. И. Семантика перфекта констатации состояния в болгарском языке: сопоставительный и переводческий аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 65–72. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1130

ВВЕДЕНИЕ

Перфект как одно из ключевых времен болгарского языка на протяжении многих десятилетий был важнейшим объектом исследования лингвистов и филологов. Однако в настоящий момент, когда многие аспекты уже изучены, перфект переживает настоящий ренессанс: установление структурной связи данного времени с несвидетельскими наклонениями и модальными категориями болгарского языка предоставляет большой материал для новых исследований. Важно отметить, что перфект не только лег в основу вышеуказанных структур, но и перенял некоторые их морфосинтаксические черты. Так, мы хотели бы обратить внимание на разновидность стального перфекта, название которой было взято из работ Любомира Андрейчина, – перфект констатации состояния [10: 320].

Перфект констатации состояния сравнительно редко привлекает внимание исследователей, в связи с чем существуют проблемы термино-

логических разночтений и размытости языковых границ явления. Как уже было отмечено выше, Л. Андрейчин в «Грамматика на съвременния български език» упоминает перфект констатации состояния, однако так он называет весь стальной перфект. Он также кратко описывал явление выпадения глагола-связки в 3Sg/Pl в перфекте в более ранних своих работах [1], [5]. Одно из первых упоминаний данной разновидности стального перфекта найдено в работе Б. Цонева «Опрѣдѣлени и неопрѣдѣлени форми в български език»¹. Исследуя перфектоподобные формы без глагола-связки, А. Левин-Штайманн также касается вопроса перфекта констатации состояния [16: 30]. Р. Ницолова в своей работе «Българска граматика. Морфология» уже четко разграничивает термины «стальной перфект» и «перфект констатации состояния» [8: 296]. Мы принимаем подход Р. Ницоловой по разграничению употребления данных терминов. Однако ни один из исследователей

не углубляется в детальное и комплексное изучение данной разновидности статального перфекта. Перфект констатации состояния остается в тени своего родового значения, а причина выпадения глагола-связки в 3Sg/Pl по-прежнему неясна.

Целью статьи является исследование семантики перфекта констатации состояния в болгарском языке и рассмотрение закономерностей его передачи на русский язык. В этой связи мы ставим перед собой следующие задачи:

1) определить влияние выпадения глагола-связки в 3Sg/Pl в перфекте изъявительного наклонения на семантику высказывания и установить наличие или отсутствие связи перфекта констатации состояния с несвидетельскими формами болгарского языка;

2) проанализировать имеющиеся примеры передачи перфекта констатации состояния на русский язык переводчиками и выявить наличие или отсутствие разницы с передачей обычного статального перфекта.

Среди методов нашего исследования преобладает сравнительно-сопоставительный анализ как основа изучения соответствий между двумя языками. В связи с редкостью данного подвида статального перфекта и его малой освещенностью в научной литературе нами было принято решение провести исследование на материале найденных вышеупомянутыми учеными примеров употребления перфекта констатации состояния.

ПЕРФЕКТ КОНСТАТАЦИИ СОСТОЯНИЯ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мы разделяем преобладающую в научном сообществе точку зрения о том, что случаи выпадения глагола-связки в 3Sg/Pl не всегда означают переход формы в разряд ренарратива, а также поддерживаем идею о выделении случаев транспозиции перфекта, среди которых имеются и формы с выпадением глагола-связки в 3Sg/Pl. Перфект констатации состояния, хотя и не является транспозицией, должен рассматриваться в контексте изъявительного наклонения и проверяться на предмет сближения с эвиденциальными формами.

В своих работах Л. Андрейчин, впервые обративший внимание на перфект констатации состояния в болгарском языке, не раскрывал причины и особенности модификации значения статального перфекта при выпадении глагола-связки в 3Sg/Pl. В «Грамматика на съвременния български език» он посвящает данной проблеме один абзац, отмечая, что «иногда при употреблении статального прошедшего неопределенного време-

ни вспомогательный глагол может быть опущен (перевод наш. – Д. Л.)» [10: 320].

Чуть больше информации можно найти в «Българска граматика. Морфология» Р. Ницоловой. Она утверждает, что если говорящий наблюдает исключительно результат действия, а не само перфектное действие, то в форме 3Sg/Pl вспомогательный глагол может быть опущен [8: 296].

Поскольку подобное проявление перфекта является разновидностью статального перфекта, необходимо отметить, что говорящий априори не может делать упор на процесс совершения действия, так как в подобном случае нужно говорить об акционном перфекте². Возможно, подобное несоответствие объясняется тем, как Р. Ницолова понимает статальный перфект. Исследователь утверждает, что в статальном перфекте «обращается большее внимание на результат действия, а не на само действие (перевод наш. – Д. Л.)» [8: 296]. Таким образом, можно предположить, что Р. Ницолова проводит границу между статальным перфектом и перфектом констатации состояния по наличию / отсутствию ориентации на прошедшее время: перфект с выпадением глагола-связки в 3Sg/Pl не будет иметь связи с прошедшим временем, в то время как обычный статальный перфект, хотя и преимущественно ориентирован на продолжительность и результативность, тем не менее будет сохранять некоторую связь с процессом совершения действия в прошлом. Вероятно, словосочетание «перфектное действие» (болг. *перфектно действие*), употребленное Р. Ницоловой, нуждается в некоторой конкретизации во избежание смешения семантики статального перфекта с акционным. Она отмечает, что чаще всего перфект констатации состояния встречается в описаниях в комбинации с настоящим историческим временем или прошедшими временами для обозначения результатов действий, совершенных до момента референции в прошлом. Фактически в случае употребления с прошедшими временами перфект констатации состояния берет на себя функцию плюсквамперфекта, а при употреблении с настоящим историческим обозначает предшествующее событие (в целом здесь также можно говорить о некотором сходстве с функциями плюсквамперфекта, поскольку настоящее историческое повествует о прошедших событиях, но в настоящем контексте).

Р. Ницолова считает, что именно перфект констатации состояния лег в основу несвидетельского эвиденциала «ренарратив» и модальной категории «адмиратив» в болгарском

языке. К вопросу о связи данной формы с несвидетельскими эвиденциалами и модальными категориями мы обратимся позже. Наиболее подробной работой в данной области можно считать монографию А. Левин-Штайнманн [16]. Она пыталась выявить семантические особенности перфекта констатации состояния, анализируя работы, имевшиеся к тому моменту: [6], [7], [14]. Исследователь приходит к следующим выводам:

1) перфект с глаголом-связкой игнорирует результат действия, сразу переходя к его длительности в настоящем;

2) главным аспектом перфекта без глагола-связки является законченность, то есть результативность;

3) перфект без глагола-связки – это единичный момент в прошлом.

Таким образом, по мнению А. Левин-Штайнманн, главное отличие проходит по линии «длительность / результативность». Первый критерий выходит на передний план в статальном перфекте, второй – в констатации состояния, хотя оба критерия присущи статальному перфекту как аспекту прошедшего неопределенного времени.

Известно, что выпадение глагола-связки в 3Sg/Pl в болгарском языке – это свойство несвидетельских эвиденциалов³ и некоторых модальных категорий⁴ болгарского языка. Как мы уже отмечали ранее, подобное явление в перфекте констатации состояния не означает его перенос в сферу незасвидетельствованности, однако подводит к мысли о потенциальном семантическом сближении вышеупомянутых форм. В статье Н. А. Козинцевой отмечается, что выпадение глагола-связки в 3Sg/Pl – это структурная перестройка перфекта, проходящего процесс разграничения от иных времен по категории засвидетельствованности / незасвидетельствованности [2: 25], что подтверждает наше предположение.

В связи с вышеизложенным обратим внимание на то, как оценивают исследователи наличие / отсутствие глагола-связки в 3Sg/Pl в несвидетельских наклонениях. Р. Ницолова, избирая структурный подход, относит формы без глагола-связки в 3Sg/Pl к ренарративу, а с глаголом-связкой – к конклюдиву. Важно отметить, что исследователь наделяет конклюдив двумя значениями: умозаключением (то есть восстановление событий по наличествующим фактам, что соотносится с названием эвиденциала и является классическим случаем) и так называемым слабым знанием (болг. *слабо знание*, то есть передача информации, свидетелем

которой говорящий не был, но подлинность которой не подлежит сомнению и является частью его фонда личных знаний) [8: 354]. Таким образом, Р. Ницолова показывает, что наличие глагола-связки в 3Sg/Pl отвечает за меньшую дистанцию между говорящим и информацией, чем отсутствие глагола-связки, которое воспринимается как чужое знание. М. М. Макарец утверждает, что ключевым критерием является источник информации, поэтому формы с глаголом-связкой и без глагола-связки в 3Sg/Pl должны быть отнесены к ренарративу (в терминологии автора – репортативу), однако приходит к тому же выводу, что и Р. Ницолова: разница между формами кроется в дистанции между говорящим и информацией [3].

Значимыми в данной области являются работы Г. Филдер [11], [12], [13], которая предлагает считать наличие / отсутствие глагола-связки в 3Sg/Pl инструментом кодирования информации фона / первого плана, то есть свойством текстового уровня. По мнению исследователя, отсутствие глагола-связки будет указывать на события первого плана, то есть «секвентные действия, которые формируют событийную линию повествования, или каркас дискурса» (цит. по [3: 221]), а ее наличие – на фоновые события, то есть действия, которые «не формируют событийную линию повествования и происходят одновременно с событиями первого плана» (цит. по [3: 221]). Г. Филдер указывает, что к свойствам первого плана относятся акционные *л*-формы без глагола-связки, а к свойствам фона – статальные *л*-формы с глаголом-связкой и неопределенное прошедшее время как с глаголом-связкой, так и без него. М. М. Макарец считает данную концепцию интересной, но недостаточно разработанной и предлагает считать формы с глаголом-связкой «более фоновыми», чем формы без глагола-связки, тем самым либо противореча самому себе⁵, либо забывая упомянуть о потенциальной разнице в семантической роли глагола-связки на уровнях языка и текста.

По нашему мнению, восприятие глагола-связки на разных уровнях не может быть антонимичным, в связи с чем мы считаем, что концепция Г. Филдер хоть и является перспективной, но недостаточно точной в описании данной структуры. Концепции Р. Ницоловой и иных исследователей, подтвержденные многими поколениями болгаристов, представляются нам более точными, в связи с чем мы разделяем мнение о том, что отсутствие глагола-связки в 3Sg/Pl представляет большую дистанцию от информации, чем его наличие. Мы также

выдвигаем предположение, что вышесказанное можно экстраполировать на перфект констатации состояния, который грамматически показывает сближение с несвидетельскими формами, а значит, должен указывать на большую дистанцию между говорящим и информацией, что на уровне текста может быть выражено действиями / состояниями фона. Не менее важно помнить и о выводах А. Левин-Штайнманн, которая утверждала, что перфект констатации состояния подчеркивает результат прошедшего действия, а не его протекание в настоящем.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Безусловно, мы не можем говорить о наличии в русском языке единиц, эквивалентных болгарскому перфекту констатации состояния на всех уровнях, поскольку имеются фундаментальные различия между языками:

1) болгарский язык является аналитическим, русский – синтетическим; русский язык не сохранил глагол-связку в настоящем временном плане;

2) в русском языке отсутствует время, которое бы занимало промежуточное положение между настоящим и прошедшим (чему соответствует болгарский перфект);

4) в русском языке эвиденциальность не является грамматикализованной [4].

Чтобы определить, какие формы в русском языке могли бы соответствовать болгарскому перфекту констатации состояния, необходимо обратить внимание на три компонента, каждый из которых является ключевым звеном в одном из аспектов прошедшего неопределенного времени: акционный перфект = ориентация на процесс совершения действия в прошлом, статальный перфект = ориентация на длительность в настоящем совершенного в прошлом действия, перфект констатации состояния = ориентация на момент достижения результата совершенного в прошлом действия. Таким образом, нам необходимо сосредоточиться на глаголах, которые показывают «чистую» результативность в русском языке.

М. В. Кузина утверждала, что «чистый» результат включает в себя длительность, однократность и фазисность⁶. Последние два компонента предельно важны для передачи перфекта констатации состояния на русский язык, а первый компонент, будучи имплицитным, не позволит лексической единице выступать в роли акционного перфекта. Например, глагол *прочитать* можно считать чисто результативным, поскольку на первый план здесь выходит факт однократного совершения действия, а результат не продолжается в настоящем.

Чистый результат может быть осложнен различными модификациями, которые при переводе могут помешать достижению структурной и семантической эквивалентности. К осложнениям можно отнести любые оттенки значений, чаще всего передаваемые путем присоединения приставок. Например, значение неполноты действия у глагола *недоесть*, значение интенсивности действия у глагола *наглядить*, значение полиактантного действия у глаголов *наварить* и *повыгореть* и т. д. В подобных модификациях на первый план выходит не результат действия, а процесс совершения действия в прошлом, стоящий за ним, что соответствует семантике акционного перфекта и не является эквивалентным для перфекта констатации состояния.

Безусловно, существуют ситуации, при которых употребление подобных глаголов невозможно по узуальным (плохая сочетаемость), стилистическим (несоответствие единицы уровню текста) или морфологическим (невозможность образовать форму чистого результата) причинам. В таких случаях необходимо компенсировать утраченный компонент значения с помощью средств синтаксического уровня или неглагольных лексических единиц, имеющих значение чистой результативности.

Таким образом, можно заключить, что при передаче перфекта констатации состояния на русский язык необходимо делать выбор в пользу лексических единиц (преимущественно глаголов), обладающих чистой результативностью и не выводящих на первый план компонент процесса совершения действия в прошлом или компонент длительности имеющегося результата в настоящем. Сделаем предположение, что эквивалентными можно считать варианты передачи исследуемой нами структуры краткими причастиями, которые также обладают чистой результативностью (например, в словосочетании *небо окрашено в розовые цвета* на первый план выходит не продолжительность в настоящем, а результат действия, совершенного в прошлом, но нерелевантного для настоящего контекста). Также возможно достижение такой эквивалентности на синтаксическом уровне, где каждую лексическую единицу необходимо будет рассматривать как по отдельности, так и в сочетании с иными лексическими единицами, употребленными в высказывании.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Перфект констатации состояния – явление практически неуловимое. Его редкость привела к тому, что найденные исследователями примеры переходят из одних статей и учебников в после-

дующие, а новые вхождения появляются сравнительно редко. Известные языковые корпуса – «Български национален корпус» при Болгарской академии наук и «Успореден корпус на руски и български текстове» при Великотърновском университете «Святых Кирилла и Мефодия» – не обладают соответствующим инструментарием для поиска подобных единиц, поскольку морфологически они неотличимы от перфектопо-

добных форм и форм ренарратива и адмиратива, которые употребляются несоизмеримо чаще как в письменном, так и в устном болгарском. В связи с этим нами было принято решение рассмотреть только те примеры, которые уже были обнаружены исследователями и которые имеют перевод на русский. Таким образом, диапазон доступного материала сократился до четырех примеров и пяти их переводов.

Ясно виждаше дядо Руси накъде отива работата. И се страхуваше, и се радваше. А инак всичко си вървеше по старому. Хубаво време, слънце. Балканът се разхубавил, зелени дъбрави го опасват долу, по-тъмни в средата, а най-високите чуку, изрязани в небето, са, както винаги, сини. Над тях бели облаци се спрели, като кули. И в селото – и в него пролет. Гъста и тежка зеленината на овошките, някъде над сухите дувари се синее люляк или висят жълти кичури на цъфнал салкъм. (Й. Йовков. Старопланински легенди)

Дедушка Руси ясно видел, к чему все клонится. И ему было страшно и радостно. А в остальном все было по-старому. Погода славная, солнышко. Горы похорошели, опоясались понизу зеленым лесом, темным посредине, а врезающиеся в небо самые высокие вершины, как всегда, сини. Над ними стоят, будто замки, белые облака. И на селе тоже весна. Густая, тяжелая листва на плодовых деревьях, над сухими стенами каменных оград тут и там синее сирень, висят желтые кисти цветущей акации. (Перевод Д. Горбова)

Стиль текста – художественный, отрывок является повествованием о фоновых событиях (состояние природы), наблюдаемых главным героем одновременно, цельно. В оригинале происходит переход от плана прошлого к плану настоящего: прошлое выражается имперфектом, который обладает имплицитной свидетельственностью [9: 336], [15: 220], а настоящее, помимо классических форм, также выражено двумя глаголами в перфекте констатации состояния. В русском переводе *се разхубавил* выражен с помощью глагола совершенного вида в прошедшем времени *похорошели*, что скорее соответствует статальному перфекту, нежели перфекту констатации

состояния, поскольку на первый план выходит компонент продолжительности в настоящем, а не моментальный результат действия. Тем не менее мы считаем, что автор умело компенсирует этот оттенок значения дальнейшим глаголом *опоясались*, который, будучи переведенным в прошедший временной план, показывает чистую результативность и сохраняет интенцию автора оригинала. Перевод *се спрели* как *стоят* также соответствует статальному перфекту, однако компонент результативности здесь потерян полностью из-за настоящего времени, которое в русском языке обозначает исключительно продолжительность действия.

Каква мъгла, какъв гъстък думан беше паднал оная есен във Втрени! Влажно, мокро; ситен дъжд пръска, небето се разтопило на студена пара и премазало ниските къщици на селото. А из разкаляната улица глъчка, шум, върволяк. Файтони, запрегнати с дръгливи коне, волски кола, натоварени с военни потреби, селяни возачи, добитък – запрещат улицата между двете ханчета. (И. Вазов. Иде ли?)

Какой густой, тяжелый туман нависъ въ эту осень надъ Вѣтреномъ. Мокро, сыро; мелкій дождь льетъ, не переставая; небо обратилось въ холодный туманный покровъ, нависший надъ низенькими избушками села. А на залитой грязью улицѣ – шумъ, крикъ, суета. Фаятоны, съ запреженными въ нихъ неприученными лошадыми, тяжелыя воловыи телѣжы, нагруженныя разными военными припасами, крестьяне-ямщики, деревенскій скоть – все это въ страшномъ безпорядкѣ толпится на улицѣ между двумя корчмами. (Перевод И. К.)

Перевод произведения, из которого взят отрывок, на русский язык был произведен в 1902 году. Стиль текста – художественный, отрывок является повествованием о фоновых событиях (состояние природы, городской быт), наблюдаемых главным героем одновременно, цельно. Так же как и в предыдущем примере, происходит переход из прошедшего временного плана (который в данном случае выражен статальным плюсквамперфектом) в настоящий. Аналогично два вхождения перфекта констатации состояния вписаны в повествование в настоящем времени.

В русском переводе *се разтопило* выражен с помощью глагола совершенного вида в прошедшем времени *обратилось*, который скорее отвечает характеристика статального перфекта из-за ярко выраженного компонента длительности, усиленного словосочетанием *туманный покровъ*, которое обозначает продолжительное погодное явление. Глагол *премазало* передан причастием в прошедшем времени *нависший*, которое в силу приставки *на-*, имеющей модификацию «распространение действия на весь субъект»⁸, осложняет чисто результативный компонент, уводя его в область акционности.

*Съвсем неочаквано той ми завъртя такъв плесник, че маргаритката на лявото ми ухо – както по-късно разбрах – **хвъркнала** чак до плювалника. В следния миг аз го ритнах с все сила с коляното си по мекия корем. Той дори не писна, само се преви надве. (П. Вежинов. Прощесть)*

*Тут он вдруг влепил мне такую пощечину, что моя маргаритка с левого уха **отлетела** к плевательнице. Секунду спустя я изо всей силы пнула его коленом под живот. Он даже не пикнул, лишь согнулся пополам. (Перевод Р. Белло)*

Стиль текста – художественный, отрывок является повествованием о событиях первого плана (сменяющие друг друга действия). Все глаголы употреблены в аористе – классическом времени для передачи цепочки событий в прошлом.

Данный отрывок взят из примеров А. Левин-Штайнманн к так называемому имперцептиву – эвиденциалу, выражающему восстановление хода событий по наличествующим следам. В отличие от конклюдива, по мнению исследователя, имперцептив подразумевает временную невозможность засвидетельствовать действие в моменте, однако субъект действия при этом присутствует. В классической болгаристике имперцептив не выде-

ляется, в связи с чем мы приняли решение рассмотреть данный пример в качестве перфекта констатации состояния: в процессе драки маргаритка оказывается на расстоянии от своего владельца, не участвует в событиях первого плана, но предстает в качестве результата действий персонажей. Передача **хвъркнала** глаголом совершенного вида в прошедшем времени **отлетела** представляется нам удачной: приставка является «пустой», то есть дающей модификацию однократности действия, не осложняет семантику лексической единицы, на первый план выходит компонент результативности, а не продолжительности или процесса совершения действия.

Стоян се качи на каруцата, наведе се да си вземе детенцето, но отведнаж уплашен се изправи.

– Господи!

*Ръцете му се отпуснаха като отсечени и удариха като бухалки по бедрата му. – Още едно дете... Някой ми **оставил** още едно дете. Брей, хора, чие е това дете, бе!*

– Ах, Стояне, ох, Божичко! – завика Пена и се покачи на каруцата. (Е. Пелин. Сиромашка радост)

Стоян перегнулся через край, чтобы взять ребенка, и выпрямился в испуге: – Господи!..

Руки его упали, как подрубленные, и шлепнулись о бедра.

*– Еще один ребенок... **Подбросили** еще одного ребенка. Эй, люди, чей это младенец, а?..*

– Ах, Стояне, ох, божичко!.. – вскрикнула Пена и полезла в бричку. (Перевод С. Займовского, 1948)

Стоян поднялся на нее, хотел было взять ребенка, но вдруг отпрянул в испуге. – Господи!

Руки у него так и упали, повиснув вдоль бедер.

*– Еще один... Кто-то мне второго **подкинул**. Люди добрые, чей же он?*

– Ох, Стоян, ох, господи Иисусе! – запричитала Пена, влезая в телегу. (Перевод И. Воробьевой и Н. Толстого, 1962)

К данному примеру нам повезло найти два перевода, сделанных приблизительно в один и тот же период. Стиль текста – художественный, отрывок является повествованием о событиях первого плана (сменяющие друг друга действия) с вкраплением диалогической речи. Последовательность событий от лица автора выражена аористом, фразы персонажей в диалогах переданы в настоящем времени с использованием перфекта констатации состояния (**оставил**).

В данном примере перфект констатации состояния похож на адмиратив, который выражает удивление от факта несоответствия ожиданий субъекта действительности. Главный герой не ожидал увидеть на крыльце ничего необычного, однако увидел подброшенного младенца. Однако, для того чтобы назвать данный случай адмиративом, не хватает компонента моментальности действия и экспрессии, свойственной данному наклонению. Вероятно, именно такие примеры натолкнули Р. Ницолову на мысль о том, что перфект констатации состояния является основой для ренарратива и адмиратива [8: 296].

Оба перевода представлены глаголами совершенного вида в прошедшем времени с пустыми приставками, не осложняющими чистую результативность. Мы считаем, что оба перевода являются примерами удачной передачи перфекта констатации состояния на русский язык.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного нами исследования можно сделать ряд выводов относительно статуса перфекта констатации состояния в болгарском языке и его эквивалентах в русском.

Перфект констатации состояния совмещает в себе характеристики свидетельского перфекта и несвидетельского ренарратива, для которого свойственно выпадение глагола-связки в 3Sg/Pl. Близость к вышеупомянутому наклонению позволяет перфекту констатации состояния удачно оформлять события фона в тексте, при этом не встраиваясь в динамическое повествование. Таким образом, перфект констатации состояния можно рассматривать в качестве промежуточного звена между свидетельскими

и несвидетельскими формами, поскольку на морфологическом уровне наблюдается сближение с ренарративом, а на уровне текста можно обнаружить свидетельские действия (в качестве свидетеля выступают актанты соответствующих отрывков при непосредственном или «затекстовом» присутствии), которые, однако, отодвигаются на второй план.

Основной компонент исследуемой нами структуры – это результативность, которая не должна быть совмещена с продолжительностью действия в настоящем или процессом его совершения в прошлом: благодаря этому действие воспринимается целостно, фотографически, в моменте. Результативность часто сопровождается художественное описание фоновых явлений и находится в окружении глаголов настоящего времени, благодаря которым реализуется в качестве не длежащего действия, но результата какого-либо нерелевантного процесса в прошлом.

На русский язык перфект констатации состояния может быть переведен глаголами совершенного вида в прошедшем времени, обладающими чистой результативностью, то есть не отягощен-

ными модифицирующими значениями от приставок или не имеющими подобную имплицитную семантику. Наиболее удачными нам кажутся случаи передачи исследуемой структуры глаголами с пустой приставкой. Не менее важно отметить, что в доступном эмпирическом материале не было найдено примеров переводов перфекта констатации состояния краткими причастиями, хотя эта форма является, по нашему мнению, перспективной. Контекст также не оказался значимым фактором при передаче на русский язык: лишь в одном случае была зафиксирована компенсация утраченной семантики в рамках переводческой трансформации.

Статус перфекта констатации состояния в болгарском языке требует детализации и уточнения, что представляет собой широкое поле для исследований, однако минимальное количество эмпирического материала является существенной трудностью при выполнении данной задачи. Из-за вышеупомянутой проблемы вопрос эквивалентных перфекту констатации состояния единиц в русском языке также требует более тщательного анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цонев Б. Опрѣдѣлени и неопрѣдѣлени форми в български език. София: Придворна печатница, 1911. 18 с.
- ² Впервые об оппозиции по стательности (результативности) / акционности написал исследователь П. Пашов в своей работе «Българските глаголни времена (за основните им значения и онагледяването им със схеми)» (1975).
- ³ Ренарратив (репортазив), дубитатив.
- ⁴ Адмиратив (миратив).
- ⁵ Напомним, что ранее автор утверждал, что отсутствие глагола-связки означает большую дистанцию от информации, чем его наличие [3].
- ⁶ Кузина М. В. Средства выражения результативности действия в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 23 с.
- ⁷ Полное имя автора неизвестно в связи с давностью перевода – 1902 год.
- ⁸ Кузина М. В. Указ. соч. С. 10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. / Пер. с болг. и словарь В. В. Бородич; Под ред. акад. Н. С. Державина. М.: Изд-во иностр. лит., 1949. 496 с.
2. Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; Отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.
3. Макарецев М. М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб.: Нестор-История, 2013. 444 с.
4. Профатилова С. М., Балабаева Ю. Е. Средства выражения значений эвиденциальности в разноструктурных языках // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 1 (36). С. 249–259.
5. Андрейчин Л. Основна българска граматика. София: Хемусъ, 1944. 560 с.
6. Андрейчин Л. По въпроса за испускането на спомагателния глагол е, са в минало неопределено време и в съставно именно сказуемо // Български език. 1974. № 6. С. 536–538.
7. Грицкат И. О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтаксичким појавама. Белград, 1954. 234 с.
8. Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008. 523 с.
9. Станков В. Категории на индикатива в съвременния български език // Български език. 1967. № 17. С. 330–344.
10. Стоянов С. Грамматика на съвременния български език: 3 т. Т. 2: Морфология. София: Издателство на Българската академия на науките, 1983. 511 с.
11. Fielder G. E. A phoenix from the ashes: The resurrection of the Bulgarian perfect // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 2003. № 44/45. P. 1–19.

12. Fielder G. E. Narrative perspective and the Bulgarian I-participle // *Slavic and East European Journal*. 1995. № 39. P. 585–600.
13. Fielder G. E. Questioning the dominant paradigm: An alternative view of the grammaticalization of the Bulgarian evidential // *Of all the Slavs my favorites: In honor of Howard I. Aronson*. (V. A. Friedman, D. L. Dyer, Eds.). 2001. № 12. P. 1–31.
14. Friedman V. A. Admirativity and confirmativity // *Zeitschrift für Balkanologie*. 1981. № 17. P. 12–28.
15. Friedman V. A. Hunting the elusive evidential: The third-person auxiliary as a boojum in Bulgarian // *Of all the Slavs my favorites: In honor of Howard I. Aronson*. (V. A. Friedman, D. L. Dyer, Eds.). 2001. № 12. P. 203–230.
16. Levin-Steinmann A. Die Legende vom bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen I-Periphrase // *Slavistische Beiträge*. 2004. № 437. 382 S.

Поступила в редакцию 08.07.2024; принята к публикации 02.12.2024

Original article

Dmitry I. Luchaev, Lecturer, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
luchdmmslu@gmail.com

SEMANTICS OF THE STATIVE PERFECT IN THE BULGARIAN LANGUAGE: COMPARATIVE AND TRANSLATION ASPECTS

Abstract. The purpose of the study is to determine the scope of meanings of the stative perfect in the Bulgarian language and to identify its equivalence to the corresponding categories in the Russian language at the interlingual and translation levels. The hypothesis of the study is that the stative perfect can be an intermediate link between the indicative perfect and non-evidential forms in the Bulgarian language and has no full equivalents in Russian. Through the comparative analysis the paper examines passages from fiction containing the above-mentioned form and their translations into Russian. The findings lead to a conclusion on the non-equivalence of the stative perfect in relation to the Russian language. The paper also presents a set of grammatical forms with similar semantics. The results of the study can be used both for further research in this area and as ready-made translation strategies when working with Bulgarian texts.

Key words: comparative analysis, equivalence, translation, Bulgarian language, Russian language, stative perfect, evidentiality, 3Sg/Pl copular verb omission, resultativeness

For citation: Luchaev, D. I. Semantics of the stative perfect in the Bulgarian language: comparative and translation aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):65–72. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1130

REFERENCES

1. Andreichin, L. Bulgarian grammar. Moscow, 1949. 496 p. (In Russ.)
2. Kozintseva, N. A. Typology of the category of evidentiality. *Evidentiality in the languages of Europe and Asia: Collection of articles in memory of Natalia Andreyevna Kozintseva*. (V. S. Khrakovsky, Ed.). St. Petersburg, 2007. P. 13–36. (In Russ.)
3. Makartsev, M. M. Evidentiality in the space of Balkan text. St. Petersburg, 2013. 444 p. (In Russ.)
4. Profatilova, S. M., Balabaeva, Yu. E. Means of expressing evidentiality in languages with different structures. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2020;1(36):249–259. (In Russ.)
5. Андрейчин, Л. Основна българска граматика. София, 1944. 560 с.
6. Андрейчин, Л. По въпроса за изпускането на спомагателния глагол е, са в минало неопределено време и в съставно именно сказуемо. *Български език*. 1974;6:536–538.
7. Грицкат, И. О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтаксичким појавама. Белград, 1954. 234 с.
8. Ницолова, Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008. 523 с.
9. Станков, В. Категории на индикатива в съвременния български език. *Български език*. 1967;17:330–344.
10. Стоянов, С. Граматика на съвременния български език: 3 т. Т. 2: Морфология. София, 1983. 511 с.
11. Fielder, G. E. A phoenix from the ashes: The resurrection of the Bulgarian perfect. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 2003;44/45:1–19.
12. Fielder, G. E. Narrative perspective and the Bulgarian I-participle. *Slavic and East European Journal*. 1995;39:585–600.
13. Fielder, G. E. Questioning the dominant paradigm: An alternative view of the grammaticalization of the Bulgarian evidential. *Of all the Slavs my favorites: In honor of Howard I. Aronson*. (V. A. Friedman, D. L. Dyer, Eds.). 2001. No 12. P. 1–31.
14. Friedman, V. A. Admirativity and confirmativity. *Zeitschrift für Balkanologie*. 1981;17:12–28.
15. Friedman, V. A. Hunting the elusive evidential: The third-person auxiliary as a boojum in Bulgarian. *Of all the Slavs my favorites: In honor of Howard I. Aronson*. (V. A. Friedman, D. L. Dyer, Eds.). 2001. No 12. P. 203–230.
16. Levin-Steinmann, A. Die Legende vom bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen I-Periphrase. *Slavistische Beiträge*. 2004. No 437. 382 S.

Received: 8 July 2024; accepted: 2 December 2024